

Волынъ. Житомир,

1896. 31 октября. № 237.

С. 3.

Театр и музыка

"Чайка" — Ан. Чехова. Г. Буква дает в "Рус. Вѣд." сѣдующій отзывъ о новой пьесѣ Ан. Чехова "Чайка", "провалившейся" недавно въ Петербургъ. Публика Александринскаго театра въ дни бенефисовъ, ставящихъ новыя произведенія извѣстныхъ писателей, всегда даетъ значительный контингентъ развитыхъ и образованныхъ зрителей.

Но комедія г. Чехова не могла удовлетворить никого. Между партеромъ и сценою точно стояла какая-то сѣрая пелена, въ родѣ паря, въ которой ошупью бродили необыкновенные, искусственно сдѣланные и притомъ неинтересные, потому что неправдоподобные, персонажи. Изъ связывала довольно банальная фабула, рассказывающая о страданіи и гибели чистаго, нѣжнаго и беззащитнаго молодого существа, Нины Зарѣчной, дочери богатаго помѣщика, символически названной авторомъ "Чайкою". Контраста ради ее окружаетъ кустарная коллекція помѣшковыхъ, глухонемыхъ или уродовъ. Все это провинціальныя интеллигентныя люди: писатель, врачъ, учитель, актриса. "Чайка" покрывается густою тѣнью представителей почти всѣхъ такъ называемыхъ "либеральныхъ профессій". Спенсера сатира, конечно, имѣть право никого не падать, но она должна быть объективною, безпристрастною и широко поставленною. Въ пьесѣ г. Чехова ея вовсе нѣтъ; есть острый субъективный иншондрія, сплошная окраска всего матеріала желчью, но не сатирой. Дѣйствующія лица "Чайки" оставляютъ зрителя совершенно равнодушнымъ. Они вполне исключительны и въ то же время чрезвычайно шаблонны. Они очень бѣдны психологически и бытовымъ содержаніемъ. Беллетристъ Треплевъ, помѣщикъ и селянолюбъ, только и дѣлаетъ, что возится въ пьесѣ со своею записною книжкою; онъ постоянно заноситъ въ нее всякую пустяковщину, какъ "человѣческіе документы" для своего будущаго романа. Это фигурка изъ-подъ карандаша поверхностнаго и мелкаго парикатуриста. Учитель Медвѣденко вообще ограниченъ и невѣжественъ. Онъ созданъ безъ вкуса и мѣры. Несносная глупость, которую онъ говоритъ, тривиальныя и натянутыя. Такой учитель — порочная оца, которую можно противопоставлять стаду, но которая отнюдь не опредѣляетъ стада. Третій герой, поручикъ въ отставкѣ, все время рассказываетъ дешевые и неудачные анекдоты. Имъ встречали его десятки разъ въ тѣхъ или другихъ "любимыхъ публикою"

фарсахъ. Есть лицо, отиѣченное чисто внѣшнимъ недостаткомъ — хромотою; оно только хрометъ и хрометъ. Есть дѣвица, нюющая подку и нюхающая табакъ. Есть поэтъ-декадентъ, который разрываетъ въ клочья все свое произведеніе и застрѣливается. Есть "любитель природы", — тоже персонажъ, — который въ концѣ пьесы не то умираетъ, не то умираетъ. Есть мать, налагающая адальтеръ для своей дочери. Въ дѣйствительности, въ маленькомъ захолустьномъ обществѣ (дѣйствіе происходитъ въ усадьбѣ), въ дружбѣ, состоящемъ изъ десятка лицъ, не бываетъ, конечно, и не можетъ быть такого количества рамолизированныхъ, изжившихся, ничего не стоящихъ и отталкивающихъ субъектовъ. Точно эпидемію, ономъ или тифомъ, заражены и изображены они общемо нравственнымъ драматизмомъ. Она проникнута извѣстными низменными инстинктами и побужденіями, низменными любовными страстишками; у нихъ плоскія мысли, плоскія рѣчи, неослѣдовательныя и неумные поступки. Въ каждомъ изъ нихъ Деморозо нашелъ бы зародыши суизастествія, обусловленнаго извращеніемъ особей и гнилью среды. Темныя краски въ такомъ изобиліи у автора и онѣ наложены столь густо, даже аляповато, что эффектъ ихъ совершенно притупляется. Глазъ быстро привыкаетъ къ ихъ чрезмѣрной рѣзкости и устаиваетъ. Начиная со втораго дѣйствія, зритель чувствуетъ, что у него нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго съ пьесой. Онъ находитъ ее темною, страшною, скучною и вялою. Между публикою и пьесой зарождается явный разладъ. Публика смѣется въ мѣстахъ наиболѣе натеатическихъ и драматическихъ, наоборотъ, остается нечувствительною ко всѣмъ аллюриямъ и приманкамъ комедіи. Ее мало интересуетъ и сама "Чайка", потому что и въ Нинѣ Зарѣчной слишкомъ много дѣланной концепціи, отвлеченія и обобщенія, слишкомъ много "скорбныхъ вопросовъ безъ отвѣтовъ" и "болей невыплаканныхъ слезъ". Дѣвушка много страдаетъ, но когда вы слышите отъ нея, что она пантеистически вмѣщаетъ въ себя, въ души своей, души людей и животныхъ и что она смотритъ на себя какъ на источникъ какой-то "новой жизни", то эта фигура, — въ пьесѣ центральная, — остается загадочною и неудобопонятною. Сильное челоѣческое страданіе просто и цѣльно. Метафизическая декламация расходивается и обезцѣпляетъ его, и "Чайка" погибаетъ среди общаго сумбура рѣчей, отношеній, положеній и дѣйствій.